

3. Служение пастором в приходе Ряяпювя (Рябово), 1914-1937

а) Времена царского правления 1914-15.3.1917.

Сайми Лауриккала так вспоминает приезд в приход Ряяпювя (Рябово): «На станцию Всеволожская мы прибыли вечером. Это был март 1914 года. Там нас встречали на лошадях. Снега еще было много, поэтому мы ехали на санях. От станции до пастората было примерно полтора километра. Подъезжая к нашему новому дому, мы увидели, что он ярко освещен. Оказалось, что наши новые прихожане организовали праздник по случаю нашего приезда. Они нас очень ждали».

Естественно новые обитатели пастората хотели познакомиться с новым местом. Из официальных данных за 1916 год и некоторых других источников мы можем представить себе следующую картину. Добротный пасторат, построенный в 1909 году, был расположен на пригорке рядом с церковью несколько в стороне от деревни Румпали. В главном здании было пять жилых комнат. Также было достаточно других помещений. Из пастората, окруженного садом, открывался красивый вид в сторону Санкт-Петербурга. При пасторате имелось около 4,4 гектар земли и около 6,5 гектар пастбищ и леса. В пасторате держали двух коров. Дрова закупали. Таким образом условия проживания здесь были скромнее, однако преимуществом нового, построенного лишь 5 лет назад пастората, было то, что он был в очень хорошем состоянии.

Приходя Ряяпювя был небольшим. В него входило всего 13 деревень, из которых 12 были финскими, а одна финско-русской. В 1917 году в приходе было 2372 прихожанина. Большую часть составляли ингерманландские финны, было немного эстонцев, а также несколько человек немцев. Православных было немного. В церкви, рассчитанной на 400 человек, по воскресеньям и в праздники проводились богослужения на финском языке. Несколько раз в год после финского богослужения проводилось богослужение на эстонском языке. Служение пастора в приходе Ряяпювя было намного проще и легче, чем в Каттила, где было три языка, три церкви и приходилось ездить на большие расстояния.

Новый настоятель часто проводил духовные собрания в разных деревнях прихода. Обычно после обеда в воскресенье в какой-нибудь из деревень проходило духовное собрание, проверка воскресной школы и другие подобные мероприятия.

Естественно в ежегодные обязанности пастора входило проведение экзаменов по чтению. В Ряяпювя был обычай во время таких экзаменов сажать ленивых и плохо читающих детей под стол, чтобы им было стыдно. Целью этого наказания было предостережение других нерадивых учеников. Ялмари Лауриккала отменил эту практику, и во время его служения никто уже детей под стол не сажал.

Также к ежегодным обязанностям пастора относилось проведение конфирмационной школы. А.Т. вспоминает об этом обучении так: «Он учил конфирмантов, как человек, делом жизни которого было воспитание и спасение душ, а не как кто-то, кто просто выполняет свои обязанности, а там - будь что будет».

Особенно близко к сердцу принимал Ялмари Лауриккала работу с молодежью. Он частенько приходил на деревенскую танцплощадку. А.Т. рассказывает: «Он хотел поговорить и дать им совет, но какой переполох это производило! Все разбежались, прятались кто в кусты, кто за горку, совесть их мучила, ведь они знали, что танцы эти не во славу Божию были. В те времена молодые люди активно посещали церковь и слышали там серьезные предостережения».

Настоятель имел также обыкновение собирать прихожан деревни в каком-

нибудь доме, где «он читал нам о новых удивительных пророчествах, а потом давал нам советы и разъяснения». Здесь, видимо, имеется в виду книга К.К.Сарлин «Одна из пророчиц нашего времени», биография Хелены Конттинен.

Большим подспорьем в деле просвещения служили в Ингерманландии приходские библиотеки, которые держали в пасторатах или в сакристиях церквей. Книги активно использовались. Заведовали библиотеками обычно либо сам пастор, либо его жена, либо кто-то из прихожан, работающих в церкви. Обычно это были очень хорошие книги, тщательно отобранные с точки зрения развития в прихожанах христианского духа.

Библиотека прихода Ряпявья располагалась в пасторате, и сам настоятель рекомендовал прихожанам, что почитать. А.Т. рассказывает: «И в этом деле он не полагался лишь на наше собственное разумение, но всегда подбирал каждому приходящему подходящую именно ему книгу, создающую и поучительную. То, что другие посчитали бы мелочью, он считал важным и не оставлял без внимания».

После приезда из Каттила вся эта разносторонняя деятельность в Ряпявья показалась «тихой жизнью». В эти первые месяцы пастор и его семья знакомились со своими новыми прихожанами, а те с ними. Обе стороны были довольны. Постепенно прихожане Ряпявья почувствовали, что новый пастор стал им словно отец, а его супруга — словно мать. А Ялмари Лауриkkала, со своей стороны, отмечал, что прихожане здесь более широко развиты и обладают более выраженным финским самосознанием, чем его первые прихожане из далекой Западной Ингерманландии. Причиной этого была близость Финляндии. Жители Ряпявья много общались с финнами из Финляндии, в частности, они получали оттуда литературу. Другой причиной было то, что данный район был населен главным образом ингерманландскими финнами, в то время, как в Каттила-Сойккола-Новоселках финны жили разбросанно посреди других народов с другими языками и другой верой.

Другой причиной насыщенной духовной жизни в Ряпявья было то, что свой вклад в нее вносили проповедники-миряне, некоторые из которых стали близкими друзьями пастора и его семьи. Большая часть этих проповедников-мирян были членами евангелического движения пробуждения, действовавшего внутри лютеранской церкви.

Много огорчений и хлопот приходу доставлял кантор Мааярви, который был родом из Финляндии. Он прибыл в Ряпявья за два года до приезда Ялмари Лауриkkала и успел испортить отношения с прихожанами. Приход просил нового настоятеля уволить кантора, но Лауриkkала попытался помирить прихожан с кантором, потому что считал, что обе стороны виноваты в этой ситуации. Прихожане писали жалобу даже в консисторию, и оттуда для урегулирования ситуации дважды приезжал областной пробст. В результате было принято решение оставить кантора в должности, поскольку настоятель ходатайствовал за него и пытался помирить враждующие стороны. Позднее этот Мааярви причинил много неприятностей и самому Лауриkkала.

Однако вскоре спокойной жизни пришел конец. В августе 1914 года началась Первая Мировая война, которая конечно же оказала свое влияние на жизнь в Ряпявья. Вот как вспоминает о том времени настоятель: «Многие мужчины тогда отправились на фронт, было много прощаний, много прощальных богослужений и посещений прихожан для преподания причастия и много других особенных событий. Были слезы и горе, когда семьи теряли таким образом своих отцов и сыновей, уходящих на фронт. А вскоре стали поступать и печальные известия с фронта, кто-то погибал, кто-то получал тяжелые ранения. И снова мы отправлялись утешать семьи, и таким образом появились новые направления

духовной работы. Кроме того, от прихожан с фронта приходило много писем, и мы отвечали на них».

До самого Ряпявья война не дошла, потому что деревня находилась далеко от линии фронта. Влияние войны ощущалось главным образом в том, что очень многие мужчины ушли на фронт и присылали оттуда известия. В царские времена не ощущалось и нехватки продовольствия, ситуация ухудшилась лишь после революции.

Служение приходским пастором в 1917-1937 годах

Все эти 20 лет Ялмари Лауриkkала служил настоятелем прихода Ряпявья. 15 из них он прожил в пасторате, который дольше всех других пасторатов в Ингерманландии оставался в собственности прихода. Однако в октябре 1930 года, после продолжавшихся с весны запугиваний, семье Лауриkkала пришлось покинуть этот ставший таким любимым дом. Позднее в нем расположилась народная школа. 8 (10) октября опечаленные прихожане перевезли на лошадях семью пастора и их вещи в Ленинград, где те получили квартиру на Невском проспекте в доме, принадлежавшем финскому государству.

Кроме своего прихода настоятель Ряпявья служил также в приходе Келтто (ныне Колтуши) - с 1917 по 1931 гг., в приходе Марккова-Ярвисаари (ныне Марково-Ярвосельский) - с 1921 по 1923 гг., и в приходах Туутари (ныне Можайское) и Хиетамяки (ныне Яльгелево) - с 1922 по 1937 гг. На его попечении были также три лютеранских прихода в Петрограде: финский с 1923 по 1937 гг., шведский с 1929 по 1931 гг. и эстонский с 1929 по 1937 гг. В период с 1919 по 1921 гг. Ялмари Лауриkkала также проводил богослужения на финском, эстонском и немецком языках на пороховом заводе в Шлиссельбурге. Кроме того он принимал участие в служении в некоторых других приходах Ингерманландии.

Ранее уже упоминалось о том, в каких условиях проходило тогда церковное служение. Проведение богослужений было разрешено, и обычно их проведению не мешали. Власти считали нецелесообразным для себя препятствовать проведению служб. Когда все же происходили инциденты, виновников наказывали. Так однажды произошел инцидент во время похорон пожарного в церкви Туутари. Друзья покойного внесли гроб в церковь, но некоторые из них не сняли пожарные каски. Лауриkkала не сделал им замечания, поскольку решил, что они просто не сообразили снять головные уборы в церкви, и что, возможно, пожарные должны оставаться в касках, поскольку это часть их униформы. Некоторые стоящие рядом прихожане предложили пожарным снять головные уборы, но те не послушались. Об этом сообщили властям, и виновникам пришлось нести ответ. В качестве смягчающего обстоятельства было принято то, что пастор при этом не прервал свою речь. Однако некоторое наказание эти люди все же понесли.

Ранее уже упоминалось о том, что вскоре была запрещена христианская молодежная работа. О том, как обстояли дела в этой сфере в приходе Ряпявья пишет А.Т. (без указания года):

«Лауриkkала старался собрать молодых людей и из других деревень в кружок по обсуждению духовных вопросов, который одной весной проходил в церкви каждую субботу вечером. Там было очень интересно, и туда приходили многие и из других деревень. Мы, девушки из церковной деревни, все ходили на эти встречи, и часть парней тоже. В кружок приходили также и дерзкие студенты коммунистического сельскохозяйственного техникума, открытого на месте бывшей усадьбы, которые,

как мне кажется, были хорошо образованы и играли важную роль в тех кругах. Они задавали пробсту вопросы по Библии и приводили примеры противоречий в ней и разное такое. Мы очень многому научились из этих бесед, поскольку сами бы мы не смогли найти ответы на эти вопросы, если бы нас спросили. И эти студенты думали, что таким образом расставляют сети для пробста, но сами всегда оставались с носом, когда пробст совершенно спокойно отвечал им и показывал ошибки в их рассуждениях.»

В те времена проповедники сталкивались с трудностями даже при проведении разрешенной деятельности. К примеру, им приходилось очень тщательно продумывать свои проповеди. В церкви, на похоронах и других мероприятиях обычно присутствовали доносчики, и не один, которые слушали и записывали. Кое-кто даже говорил так: «этот Лауриккала выступает против нас, но он всегда говорит так мудро, что его не на чем не поймаешь».

О своем служении за период с 1917 по 1927 год сам Лауриккала рассказывает так: «С 1922 года я проводил богослужения по очереди в одно воскресенье в Раяпювя в 8 часов и в Колтушах в 14, в другое воскресенье также в Туутари и в Хиетамяки. А зимой, когда был короткий световой день, поскольку я не успевал проводить два богослужения в разных церквях, я проводил службы на неделе. Таким образом в год получалось больше 30 богослужений в каждой церкви. Из этого правила делались исключения, когда приходилось ездить еще и в другие церкви. Духовные собрания и кружки по разъяснению Библии проводились по деревням регулярно везде, где только и когда только позволяли власти. Поминки и освящения домов, которые практиковались в некоторых приходах, также сопровождалось духовными собраниями.»

В последние десять лет служения Лауриккала (1927-1937) произошли некоторые изменения. В начале 1931 года ему запретили посещать без разрешения ГПУ свой приход в Раяпювя и соседний приход Келтто. В последний раз он был в Раяпювя в конце января, когда проводил там отпевание. Последнее богослужение в Келтто было проведено 8 февраля. После этого Лауриккала многократно обращался за разрешением на посещение этих приходов, но тщетно. Рассказывают, что когда поселившихся в бывшем пасторате Келтто колхозников упрекали за то, что у них в колхозе мало членов, они оправдывались так: «Трудно нам новых членов набрать, ведь Лауриккала сюда каждый месяц приезжает по два раза проповедовать! Так что не пойдут те люди в колхоз».

Деятельность приходов Туутари, Хиетамяки и Ленинградского прихода пока продолжалась. Лауриккала рассказывает: «Обычно каждое второе воскресенье я ездил туда (в Туутари и Хиетамяки), с утра в одной церкви проводил (богослужение), а во второй половине дня — в другой. А в другое воскресенье днем был в финской церкви в Ленинграде, а вечером проводил богослужение для эстонцев в то время уже в латышской церкви. На неделе часто бывали отпевания, при этом обычно духовное собрание проводили также на дому, также духовные собрания в деревнях. Так было по-началу. Но потом уже не было возможности их проводить, кроме как во время каких-нибудь похорон.»

В 1929-1931 гг. Ялмари Лауриккала окормлял также шведский приход в Ленинграде, проводя там богослужения 4-5 раз в год. Этот приход имел более тесные связи с Швецией, чем с Финляндией, там, например, использовался сборник гимнов шведской церкви. По случаю смерти королевы Швеции (1930) приход направил свои соболезнования и получил ответ от короля.

Ялмари Лауриккала посещал время от времени и другие приходы, такие как Марккова и Ярвисаари, которые он официально окормлял в 1921-1922 гг. В праздничные дни пробст посещал Скворицы и Венйоки, а также многие другие приходы. В 1934 году он доехал и до прихода Каттила и так рассказывал об этом:

«Я провел богослужение в церкви Каттила, благословил на кладбище тех усопших, которые были похоронены без отпевания, крестил детей, и таким образом последний раз был вместе со своими дорогими старыми прихожанами.» Каттила в то время не относилась к приграничной зоне, но уже в следующем году она была объявлена таковой.

Пробст Лауриккала посещал разные приходы в том числе и в дни их приходских праздников, которые приходились на будние дни, когда не требовалось его присутствия в опекаемых им приходах.

Приходы Ингерманландии имели свои именины, и в эти дни был обычай устраивать большие праздники, на которые собирался весь приход. Например, праздник прихода Хиетамьяки отмечался в день Петра, а Скворицкого — в день Катриины. Церковь в Келтто отмечала день Юрия, а церковь Ряпяювя — день Регины. Праздником прихода Туутари был день Святой Троицы. В старые времена эти приходские праздники отмечались часто в течение двух дней. Позднее, когда их стало невозможно отмечать в будние дни, праздники стали однодневными.

Говоря об этих праздниках, нужно упомянуть, как в 1936 году отмечалось столетие прихода Туутари. Планировалось сделать праздник больше обычного, в том числе пригласить нескольких проповедников. Заблаговременно было запрошено разрешение властей, но власти все тянули с ним. В конце концов, власти объявили, что проповедовать может только зарегистрированный в приходе пастор. Таким образом вся программа легла на плечи одного Лауриккала: ему пришлось, кроме проповеди на богослужении, выступать с другими речами, читать стихи и пр. Сам пробст так рассказывал об этом празднике: «Местные коммунисты решили организовать в тот же день свой праздник, и активно приглашали на него людей, но никто туда не пошел, и в конце сами организаторы этого праздника также явились в церковь.»